

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Чтобы спастись от
царя Ивана Грозного,
Борис Годунов шептал
колдовские молитвы-
заклинания из
старинного
часослова...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Часослов Бориса Годунова

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Часослов Бориса Годунова

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Часослов Бориса Годунова / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-107869-0

Царь Иван Грозный очень страшен был в гневе. Чтобы не впасть в немилость, Борис Годунов обратился к колдуну, и тот дал ему волшебный часослов с заклятиями-молитвами... Не успела Ирина приехать из командировки, как ее сразу же приглашают в полицию. Следователь с говорящей фамилией Дятел пытается повесить на нее убийство странной старушки, оказавшейся вовсе не старушкой, а мужчиной, который уже много лет числится погибшим. Против своей воли втянутая в водоворот событий, Ирина находит старинную книгу в потрепанной обложке, и с ней начинается происходить невероятное...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107869-0

© Александрова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Наталья Николаевна Александрова

Часослов Бориса Годунова

© Александрова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Еще с лестницы Ирина услышала, что в ее квартире истеричным фальцетом заливается телефон.

Кто в наши дни пользуется городским телефоном? У всех же есть мобильные! Кроме того, она только что вернулась из поездки, о чем еще никому не успела сообщить. Скорее всего, это какая-то ошибка. Тем не менее эти непрерывные звонки заставили ее нервничать. Кому она так срочно понадобилась?

Ирина подкатила чемодан к двери, нашарила в сумочке ключи и не с первого раза попала в замочную скважину.

В глубине души она надеялась, что звонки прекратятся – но не тут-то было. Они продолжались с завидным упорством, ввинчиваясь в черепную коробку, как ржавые шурупы.

Надо же, головная боль, начавшаяся в самолете, вроде бы прошла, то есть не то чтобы прошла, но отступила, пока она ехала в метро. Ирина думала, что тяжелая дорога позади, что сейчас она приедет в свою чистую уютную квартирку, выпьет чаю с мятой или ромашкой и ляжет спать.

При мысли о том, как она вытянется на свежих простынях, в душе разлилась тихая радость. И вот теперь эти звонки. Головная боль дала о себе знать с новой силой.

Ирина открыла дверь, вкатила чемодан в квартиру и бросилась к телефону – не потому, что спешила узнать, кто там такой упорный, а чтобы прекратить, наконец, этот звон, который отдавался в больной голове, как будто ее лупили кувалдой.

Сдернув трубку, она раздраженно выпалила:

– Слушаю!

– Гражданка Зарянкина? – проскрипел в трубке незнакомый голос. Незнакомый, но очень неприятный.

– Да...

– Нехорошо, гражданка Зарянкина!

– Что плохо? Вы вообще о чем?

– К телефону долго не подходите!

– Да я вообще только сейчас в квартиру вошла... я вообще только что приехала...

Ирина поняла, что оправдывается перед этим противным незнакомцем, – и разозлилась.

– Вы вообще кто? – рявкнула она. – Чего вам вообще от меня нужно? Какой-нибудь дурацкий товар будете мне навязывать? Звоните по всем номерам, авось, где-то выгорит... так вот, можете не беспокоиться – что бы вы ни предлагали, мне это не нужно! Ни чудодейственные косметические снадобья, ни турпоездки на Колыму...

Тут же до нее дошло, что, если бы этот человек собирался ей что-то продать, он не назвал бы ее гражданкой. И фамилию ее вряд ли бы знал. Но слово – не воробей.

Ее агрессивность можно было объяснить только усталостью от перелета и головной болью, обычно она не позволяла себе хамить незнакомому человеку. Знакомому, впрочем, тем более.

– Нет, я вам ничего продавать не собираюсь, – невозмутимо заметил голос в телефоне. – У меня другая работа. Я вообще-то следователь, Дятел моя фамилия...

«Очень подходящая фамилия...» – подумала Ирина, но, к счастью, не произнесла это вслух.

Она немного опомнилась и решила поменьше говорить и побольше слушать. Золотое, кстати, правило, везде применимо.

Честно говоря, она испугалась. Да и кто бы на ее месте не испугался, узнав, что разговаривает со следователем. Однако Ирина не показала свой испуг и спросила как можно спокойнее (по крайней мере, она на это надеялась):

– И что вам от меня нужно?

– Мне нужно, чтобы вы приехали ко мне на службу и ответили на несколько вопросов.

– Что – прямо сейчас?

– Желательно.

– Но ведь уже вечер... – растерялась Ирина.

– У меня рабочий день ненормированный, – последовал ответ.

«А у меня, – Ирине захотелось заорать на противного Дятла, – у меня ребенок орал над ухом несколько часов пожарной сиреной, и мамаша его уговаривала таким же громким голосом, и уши заложило при посадке, и голова раскалывается!»

Разумеется, ничего из этого она не сказала, а принялась жалобно канючить:

– Но я же сказала вам, что только что приехала... еще даже чемодан не разобрала и устала с дороги... неужели это никак нельзя отложить? Хотя бы до завтра?

Дятел на мгновение замолчал, а потом проговорил с каким-то странным выражением:

– Вообще-то, вопросы очень серьезные, но так и быть – до завтра я подожду. Но только завтра приходите с самого утра, к девяти часам. И не опаздывайте. Дело не терпит отлагательств.

– А в чем вообще дело? – задала наконец Ирина самый очевидный вопрос.

– Это не телефонный разговор. Вот завтра придете – и тогда все узнаете.

Последняя реплика следователя прозвучала мстительно – или Ирине это только показалось? Мол, пришла бы сегодня – сразу бы все и узнала, а так потерпи, голубушка, до завтра...

Правда, на этом разговор не закончился. Следователь Дятел все же задал один вопрос:

– Вам принадлежит красная «Мазда» номер такой-то?

– Принадлежит... – растерянно призналась Ирина.

– Ладно, тогда до завтра.

Ирина уже хотела повесить трубку, но тут спохватилась, что не знает, куда ей завтра нужно явиться. Следователь продиктовал ей адрес, и на этом разговор завершился.

И начались Иринины мучения.

Она ничего не могла делать, не могла даже разбирать чемодан, а когда легла в постель – не могла заснуть, безуспешно пытаясь понять, что может быть нужно от нее следователю. В голову приходили самые идиотские мысли.

Следователь спрашивал ее о машине – значит, речь пойдет о каком-то дорожно-транспортном происшествии. Но Ирина за собой никаких грехов по этой части не помнила, да и вообще, только что вернулась из командировки... в чем же дело? Машина стояла даже не во дворе у дома, перед отъездом Ирина поставила ее на охраняемую парковку. Она очень трепетно относилась к своей новой «Мазде».

Она выпила чаю с мятой и приняла таблетку от головной боли. Ни то ни другое не помогло, она промаялась до утра, не сомкнув глаз, и в результате с больной головой отправилась по названному ей адресу.

Внешность следователя Дятла вполне соответствовала его фамилии: он был небольшого роста, крепенький, лысоватый, с длинным носом и маленькими пронзительными глазами. Так и казалось, что вот сейчас он примется долбить своим длинным носом стол, выклеывая из него жучков-древоточцев.

Увидев в дверях кабинета Ирину, он приподнялся, энергично потер руки и взглянул на часы. Видимо, хотел отчитать Ирину за опоздание. В глазах его мелькнуло заметное разочарование – на часах было ровно девять.

– Что же такое случилось? – спросила Ирина, без приглашения усевшись по другую сторону стола. – Зачем я вам понадобилась, да еще так срочно?

– Вопросы здесь задаю я! – ответил Дятел расхожей фразой из старого фильма и сразу же перешел в наступление:

– Где вы были двадцатого мая, около семнадцати часов?

Ирина, подавленная его напором, на мгновение замешкалась с ответом, и следователь, уставившись на нее пристальным немигающим взглядом, процедил:

– Давайте я вам подскажу. Вы были на углу Загородного проспекта и переулка Скабичевского!

Ирина, наконец, опомнилась и уверенно проговорила:

– Да с чего вы взяли? Двадцатого мая меня вообще не было в нашем городе! Двадцатого я была в командировке, в Нижнем Новгороде, откуда вернулась только вчера! Как раз, когда вы мне звонили!

Следователь заметно поскущел и протянул тусклым, как ноябрьский рассвет, голосом:

– И доказать это можете?

– Разумеется! Я летала туда самолетом, и у меня есть билеты! Можете проверить!

– Вот как... проверим, непременно проверим... – Следователь повернул голову, как будто примериваясь клювом к столу, и побарабанил по нему пальцами, как настоящий дятел барабанит по стволу дерева или трухлявому пню, выискивая в нем насекомых, но тут же снова заговорил:

– Допустим, вы действительно были в командировке... а как насчет вашей машины?

– А что насчет моей машины? Она в командировке не была...

– Вот именно! А кто, кроме вас, ею пользуется? Кто мог ездить на ней в ваше отсутствие?

Тут Ирина на мгновение замешкалась. Ей в голову пришло, что все это как-то связано с Гошкой, но она решила не болтать лишнего и твердо проговорила:

– Никто.

– Вы в этом уверены?

– Ну, разумеется! Это же моя машина, и я никому не давала ключей от нее. И доверенность на вождение не выписывала.

– Допустим, допустим. А где сейчас ваша машина находится?

– Где? На платной подземной парковке.

– Вы в этом уверены?

– Во всяком случае, там я оставила ее перед отъездом.

– Оставили?

– Ну да, оставила. И если с ней ничего не произошло, она там по-прежнему должна находиться...

– То есть по возвращении из командировки вы свою машину еще не видели?

– Ну когда?! Когда, по-вашему, я это успела? Я только вчера вечером вернулась из командировки, а утром вы велели мне явиться ни свет ни заря... На работе предупредить не успела, не позавтракала даже!

Не позавтракала Ирина, потому что есть не хотелось в такую рань, хотела выпить кофе для бодрости, но нашла в банке жалкие остатки. Все-таки заварила, но, пока пыталась в ванной замазать синяки под глазами, кофе сбежал.

– Но вы могли приехать на машине! – Голос следователя был скрипуч и невозмутим.

– Вы же велели мне ни в коем случае не опаздывать, а парковка довольно далеко от моего дома. Мне быстрее было доехать до вас на маршрутке.

Ирина мысленно призвала себя к порядку. Не нужно повышать голос и болтать лишнее, нужно коротко и уверенно отвечать на поставленные вопросы. И тогда этот противный Дятел ее отпустит.

– Допустим... – В голосе следователя прозвучало недоверие. – А знаете что? – Следователь склонил голову к плечу и снова побарабанил пальцами по столу, прислушиваясь к звуку: – Мы с вами сейчас съездим туда...

– Куда? – удивленно протянула Ирина.

– На ту самую парковку. Съездим и убедимся, что ваша машина действительно там находится.

Ирина хотела возразить, но Дятел смотрел на нее так строго и пристально, что она сдалась.

Следователь решительно поднялся, они вышли из кабинета, покинули здание, сели в неприметную серую машину, чем-то похожую на своего хозяина, и поехали к парковке.

В машине они молчали. Ирина правильно поняла, что следователь не станет отвечать на ее вопросы. Он сам же, очевидно, задавал свои только в кабинете.

«Хоть бы музыку включил, что ли...» – с тоской подумала Ирина, когда молчание стало невыносимым.

А вот интересно, какую музыку слушают дятлы? Барабанный бой? Нет, лучше не надо.

Машину следователя они оставили на улице, прошли мимо знакомого Ирине охранника (кажется, его звали Василий) и спустились на первый уровень, где Ирина перед отъездом оставила свою «Мазду».

Однако на том месте, где она должна была находиться, красной машины не оказалось.

Ирина помнила, что оставила ее на месте В-17, но сейчас в этом отсеке стояла синяя «Тойота». Во рту у Ирины пересохло от волнения. Сердце мгновенно ухнуло вниз.

Неужели ее машину угнали, и она оказалась замешана в каком-то серьезном происшествии? Но как они смогли... тут все же охраняемая парковка, вон, охранник в будочке бдит... Что же делать, что делать?..

Ирина хотела уже что-то сказать следователю, но, к счастью, замешкалась, и тут заметила за бетонной колонной знакомый ярко-алый капот.

Вот же она, ее любимая машинка! Она стояла рядом, в секции В-18.

Ирина вздохнула с облегчением. Хорошо, что она ничего не успела сказать этому Дятлу... И тут же скосила глаза на следователя – не заметил ли он ее метаний. Нужно следить за своим лицом.

– Вот моя машина, – проговорила она как можно спокойнее. – Как я вам и говорила...

Следователь взглянул на нее подозрительно, но ничего не сказал. Он подошел к «Мазде», осмотрел ее капот, даже зачем-то потрогал его и снова повернулся к Ирине:

– Машина в порядке?

– Ну вы же и сами, по-моему, видите. Никаких вмятин, никаких царапин...

Ирина потихоньку обретала под ногами твердую почву. В самом деле: чего ей бояться? Машина – вот она, целая и невредимая, а сама она в командировке была, билеты туда и обратно прилагаются.

– Спрошу по-другому, – дятел он и есть дятел, бьет и бьет в одну точку. – Вы не замечаете ничего необычного? Все так же, как тогда, когда вы ее здесь оставили?

– Ну да, так же, – твердо ответила Ирина, хотя вовсе не была в этом уверена.

– Ну-ну... – протянул следователь.

– Я свободна? – сухо осведомилась Ирина.

– Что? А, да, конечно, вы свободны. Но я могу вас еще пригласить, если появятся какие-то вопросы. Так что пока никуда не уезжайте, не поставив меня в известность.

– Да я никуда и не собираюсь! Только что из командировки приехала, мне бы отдохнуть... Да и на работе нужно показаться, у меня начальник строгий, – на всякий случай соврала Ирина. Следователь понял намек, протиснулся кивком и направился к выходу с парковки.

Ирина проводила его взглядом и снова взглянула на свою машину.

Как там спросил этот Дятел? Не заметила ли она чего-нибудь необычного? Все ли в машине так, как она оставила?

Она ничего ему не сказала, чтобы избежать лишних расспросов, но с машиной не все было в порядке. Начать с того, что она стояла на другом месте. Но и это было не все...

Ирина достала из сумочки брелок с ключами, нажала кнопку. Машина приветливо подмигнула ей фарами, дверца открылась. Ирина заглянула внутрь.

И поморщилась.

Для начала, в машине стоял какой-то незнакомый запах. Мужской запах. Точно мужской и неприятный. Но это еще не все.

Ирина любила свою машину, она ухаживала за ней, как за ребенком, поддерживала в салоне идеальную чистоту – а сейчас в салоне было грязно. Нет, на полу, конечно, не валялись окурки и упаковки от чипсов, и посторонний человек мог вообще ничего не заметить, но Ирина не была посторонним человеком.

Она увидела на коврик под водительским сиденьем след грязной обуви, и тут же, рядом, валялся какой-то бумажный комочек. Ирина машинально подобрала его и сунула в сумку, потом села на водительское место и еще раз огляделась.

А потом открыла бардачок.

И первое, что там увидела, – упаковку от соленых сухариков.

Ну, тут уж ей сразу все стало ясно.

Яснее ясного.

Гошка, паршивец!

Это были его любимые сухарики, он постоянно жевал их, хрустел ими, как кролик морковкой, и постоянно разбрасывал пустые смятые упаковки, оставляя их за собой, как Мальчик-с-пальчик оставлял камешки.

Все время их совместной жизни Ирина боролась с этой ужасной, на ее взгляд, привычкой. Все время хрустит, и крошки везде, где можно, и пальцы жирные. Хорошо хоть, не с чесноком... Нет, Ирина такого допустить не могла.

И, в конце концов, чего-то добилась.

Гоша не бросил чертову упаковку на пол – он убрал ее в бардачок... что тоже порядочное свинство.

Ирина тут же опомнилась. О чем она думает? Какая разница, с чесноком сухарики или с луком? Гошка брал ее машину, брал без спросу, хотя, если бы и попросил, она бы ни за что ему не дала попользоваться. Гошка – жуткий неряха и водит плохо, лихачит на дороге все время. Даже когда они были вместе, Ирина и то давала ему машину считанные разы. А потом срок доверенности кончился, и она не стала продлевать. Потому что у них с Гошкой все стало плохо, и она начала задумываться, как бы его выставить из квартиры без лишнего шума.

Он жил у нее почти год, и этого Ирине хватило сполна. Поначалу-то все было не то чтобы отлично, но неплохо. У Гошки был замечательный легкий характер, иначе говоря, ему все было по фигуре. Он всегда был в отличном настроении, умел рассмешить, с ним Ирине не было скучно. В постели тоже все было легко и необременительно.

Они встречались несколько месяцев, а потом Гошка как-то незаметно утвердился в ее квартире, сказал, что там, где он прежде снимал, ему отказали, и есть ли смысл платить за квартиру, когда он все равно часто ночует у нее?

«И в самом деле, – подумала тогда Ирина, – зачем лишние деньги тратить?»

Работал Гошка в фирме, которая торговала автомобилями, причем, как вскоре поняла Ирина, работой своей нисколько не дорожил, хоть и платили ему вполне приличные деньги. Надо отдать Гошке должное: когда нужно, он умел взять себя в руки и заставить себя трудиться. Другое дело, что ему почти никогда ничего не было нужно. Есть работа? Хорошо. Нету? Тоже неплохо отдохнуть.

Он мог, к примеру, уволиться и улететь месяца на два к приятелю на Бали, снять там убогую хижину на берегу моря и валяться на белом песке, сутками ничего не делая. Или устроиться на пляж таскать лежаки и жить тут же, в пляжном сарайчике. Самое интересное, что, когда он возвращался, его снова брали в ту же фирму, потому что, как уже говорилось, если нужно, Гошка умел работать. А нужно ему было только тогда, когда кончались деньги.

Ирина прекрасно знала все Гошкины недостатки, но, как справедливо сказала подруга Наташка, тебе же не замуж за него выходить? И то верно, выйти замуж за Гошку Ирине никогда не приходило в голову. Да если на то пошло, она вообще замуж не собиралась, во всяком случае, в ближайшие несколько лет.

Но, как уже говорилось, ей было с ним весело и приятно. Опять-таки, надо отдать ему должное: Гошка никогда не требовал от нее ни свежеевыглаженных рубашек, ни обеда из трех блюд. И хоть был он ужасающим неряхой, все-таки временами внимал Ирениным мольбам и приказам и кое-как пытался разгрести за собой. И еще: когда Ирина приползала с работы вечером совершенно без сил, ее всегда ждал ужин. Чаще всего это была заказанная пицца, но все же такая забота о чем-то говорит...

Они продержались почти год, а потом Ирина поняла, что с нее хватит. Она изучила Гошку вдоль и поперек и знала, что он скажет в следующую минуту, куда посмотрит. Ее больше не смешили его шуточки, они казались ей одинаковыми. И самое главное: ее стал раздражать его пофигизм. В самом деле: мужику тридцать один год, а он ведет себя как подросток. Как в каком-то старом фильме: хочу – халву ем, хочу – мармелад... И больше никаких помыслов.

Гошка всегда жил только сегодняшним днем, не давая себе труда загадывать хоть на пару дней вперед. Он ни к чему не стремился, его все устраивало, он всегда был доволен и весел. Ирина пыталась с ним поговорить серьезно – мол, что, так и будешь болтаться всю жизнь? Годы-то идут, нужно как-то определяться. «Зачем?» – спрашивал он и сводил все к шутке.

«Ну и ладно, – сказала себе Ирина, – в конце концов, она ему не жена и не мать, пускай живет как хочет. Только без нее».

И раздумывала, как бы половчее намекнуть ему, чтобы сваливал из квартиры. Гошка намеков не понимал или делал вид, что не понимает.

А у нее тогда был полный завал на работе, она закрутилась, было не до Гошки. И однажды ее остановила соседка Зоя Михайловна с первого этажа и завела разговор. Мол, извините, что вмешиваюсь, но только обидно мне на вас смотреть. Такая, говорит, симпатичная женщина, красивая даже, самостоятельная, работающая, а ваш, простите, бойфренд так с вами нехорошо поступает.

Ирина знала прекрасно, что нельзя поддаваться на такие разговоры, просто пройти мимо, да и все. Но старушенция выглядела такой невинной, такой безобидной, что она невольно остановилась. И соседка тут же ввела ее в курс дела.

Как оказалось, Гошка в ее отсутствие завел себе девушку.

– Такая жгучая брюнетка, – сказала Зоя Михайловна, – очень худая, длинная, и одна прядь волос, крашенная в бордовый цвет. И ходит, и ходит, на ночь не остается, но часа в два-три ночи вызывает ей Гоша такси. И дверцей так они хлопают, что ее, Зою Михайловну, будят, так что потом до утра не заснуть.

Больше всего Ирина возмутилась, что паршивец водит свою девку в ЕЕ квартиру.

Нет, ну как вам это понравится? Она, Ирина, пустила его к себе, доверила ключи от квартиры, они почти год считались парой – и вот, пожалуйста! Мало того что этот гад живет у нее на всем готовом, он еще и девок водит!

Честно говоря, такого Ирина от Гошки не ожидала. Ведь она думала, что видит его насквозь, что изучила его вдоль и поперек, что не узнает о нем больше ничего нового.

Узнала. Спасибо соседке.

Зоя Михайловна смотрела испуганно, видно, у Ирины на лице отражалось такое...

Она взяла себя в руки, поблагодарила соседку и пошла домой. Гошки не было, и Ирина начала собирать его вещи.

От такой монотонной работы она успокоилась и встретила вернувшегося Гошку почти приветливо. Он наткнулся на сумку в прихожей и пялился на нее изумленно.

– Это чего? – выдохнул он.

– Гошенька, ты съезжаешь из моей квартиры, – почти пропела Ирина, – дорогой, настал момент, когда нам нужно расстаться.

Злость на него почти прошла, и теперь она с нетерпением ждала, когда же он уберется. Тогда можно будет закрыться на все замки и отдохнуть. В ванне подольше поваляться, музыку послушать... А в выходной сделать генеральную уборку и вообще забыть о Гошкином существовании.

– Ну, я не понял... – Он наклонил голову и стал похож на барана перед новыми воротами. – С чего это вдруг ты решила...

Как видно, Гошке изменил его обычный пофигизм, а скорей всего, ему просто некуда было идти. Да хоть на вокзале пускай ночует, ей-то какое дело!

– Георгий, – строго сказала Ирина, – не морочь мне голову! Когда ты пришел жить в мою квартиру, мы договорились, что ты не будешь устраивать в квартире свинарник и отдаешь половину расходов на еду и хозяйство.

– Ну да...

– Но мы не договаривались, что ты будешь водить сюда девок! – не выдержала Ирина.

– Кто – я? – Гошка сделал самые честные глаза. – Я – девок? Да ты с ума сошла!

Ирина тут же поняла, что он врет. То есть она это и так знала. Но только сейчас она поняла, что он врал ей и раньше. Именно такие глаза он делал, когда рассказывал ей, как жил, пока она была в командировке, именно таким голосом он разговаривал.

– Короче, избавь меня от пустых разговоров, – устало сказала она, – вали из квартиры и не возвращайся.

– Но, девочка моя... – Если Гошка и растерялся, то только в первый момент. – Рика, дорогая, послушай... – это он придумал так сокращать ее имя, – ты ведь это не всерьез. Ты же не можешь вот так просто зачеркнуть все, что у нас было...

– Пошел вон, козел! – не выдержала Ирина.

И Гошка упал на колени прямо тут, в прихожей.

– Прости! – закричал он. – Прости меня! Клянусь, это было всего один раз! Она для меня ничего не значит, это так, пустой, случайный эпизод! А ты...

«Снова врет, – уверилась Ирина, – но я-то какой была душой...»

Отчего-то эта мысль не доставила ей страданий, ей просто хотелось, чтобы все наконец закончилось.

– Гоша, – сказала она почти ласково, – я не сержусь. Давай расстанемся друзьями. Сейчас ты должен уйти, мы отдохнем друг от друга...

– Но я могу хотя бы надеяться? – Гошка вскочил с колен и приложил руки к сердцу.

– Ну, надежда умирает последней... – в тон ему ответила Ирина, – вот еще возьми этот пакет для мусора, там грязное белье и твои старые кроссовки.

Гошка вздохнул, расцеловал Ирину в обе щеки, подхватил сумку и ушел.

Глядя в окно, Ирина видела, как он идет по двору, посвистывая. Мысли его читались даже со спины: «Не прошло – и ладно». Ну, выгнала его эта, найдем другую, девушек на свете много, он, Гошка, любую уговорит.

«Козел», – снова вздохнула Ирина.

Все эти мысли пронеслись у нее в голове буквально за несколько минут, и Ирина осознала, что по-прежнему сидит в собственной машине.

Что-то было не так. Во-первых, пустая упаковка от сухариков, во-вторых, – след грязного ботинка. И самое главное – запах. Сильный неприятный запах крепкого мужского пота, просто какой-то звериный запах. Запах крупного, опасного хищника.

Ирина достала мобильник и набрала номер Гошки. С тех пор, как они расстались, прошло чуть больше месяца. За это время Гошка не делал попыток вернуться, зато позванивал изредка, как будто они старые друзья. Ирина не интересовалась, где он живет и с кем.

Гошка ответил сразу.

– Рика! – обрадованно завопил он. – Ты вернулась?

«Откуда он знает, что я была в командировке?» – неожиданно удивилась Ирина, но вслух спросила другое:

– Гоша, скажи, пожалуйста, ты брал мою машину?

– Кто – я? – удивился он. – Да зачем мне...

Но по тому, как голос его чуть дрожал на высоких нотах, Ирина поняла, что врет. Значит, все-таки брал.

– Гошка, зачем ты это сделал? – вздохнула она. – Ты понимаешь, что у всех теперь будут неприятности? Ведь меня... – тут он перебил ее, буквально закричав:

– Слушай, я же говорю, что не брал машину! Мы с тобой расстались, как я могу взять чужое? Ты за кого меня держишь-то?

– Значит, не брал? – уточнила Ирина. – И двадцатого мая никуда на ней не ездил?

– Сказал же – нет! – отрубил Гошка. – Ладно, пока, я занят!

«Врет как сивый мерин, – уверилась Ирина, слушая короткие гудки, – но какая же я идиотка, что не догадалась проверить запасные ключи. От дома связку у него забрала, а про машину забыла».

Она снова набрала номер Гошки, но тот теперь не брал трубку.

Что ж, нужно уходить. Хорошо бы на работе показаться, времени двенадцатый час уже...

Ирина решила на всякий случай не брать машину – черт его знает, во что вляпался Гошка.

Она тяжело вздохнула, заперла «Мазду» и пошла к выходу с парковки.

Но, немного не доходя до выхода, остановилась, потому что услышала впереди голоса.

Один голос был хорошо знакомый – тусклый, въедливый голос следователя Дятла. Второй – резкий, дребезжащий, то и дело срывающийся на фальцет – голос охранника парковки... кажется, Василия.

Слов Ирина расслышать не могла, но, судя по интонации, Дятел о чем-то расспрашивал охранника, а тот отпирался и оправдывался. Ближе подойти Ирина боялась – там бы ее заметили.

Наконец разговор закончился, следователь ушел.

Ирина выждала еще немного, вышла из-за поворота и подошла к шлагбауму. Охранник стоял рядом, мрачный, как ноябрьская ночь.

– Здравствуй, Васенька! – проговорила Ирина приветливо, надеясь, что не перепутала имя охранника.

Тот взглянул на нее подозрительно. Ирина кокетливым жестом поправила волосы и улыбнулась:

– Давно не виделись!

Взгляд охранника немного потеплел. Ирина подошла к нему ближе и сняла с форменной куртки невидимый волосок.

– Я, понимаешь, в командировке была, потому и не приходила. Но теперь часто буду приходить... так что мы чаще будем видеться... ты меня понимаешь?

Охранник ничего не ответил, но приосанился. Ирина набрала полную грудь воздуха и проговорила, глядя ему прямо в глаза:

– Вась, а пока меня не было, кто-нибудь мою машину брал?

Охранник в первый момент отшатнулся и отвел глаза, потом снова взглянул на Ирину, но теперь тепло в его взгляде испарилось, серые глаза словно подернулись льдом.

– Никто твою машину не брал, поняла? – проговорил он вполголоса и опасливо огляделся по сторонам.

– Как же не брал, когда я точно знаю...

– Никто. Твою. Машину. Не брал, – повторил он медленно и отдельно. – Поняла? И если не хочешь больших неприятностей на свою, допустим, голову, держись от этого дела подальше.

– Как это подальше, когда машина-то моя... – нахмурилась Ирина.

– Вот и сиди тихо, – твердо посоветовал Василий. – И лишних вопросов не задавай. Потому что и правда можешь большие неприятности огрести. Думаешь, мужик этот, – он мотнул головой в сторону, куда ушел следователь, – просто так ходит? Тут дело серьезное, не обычное ДТП.

– Какое ДТП, – замахала руками Ирина, – машина вся целая, ни царапинки!

– Это-то и плохо, – серьезно сказал Василий, – стало быть, дело еще хуже. Намного хуже. Так что не суетись и не гони волну. Ты в командировке была, ничего не знаешь, поняла? А сейчас иди, ты меня от работы отвлекаешь.

– От работы? – прищурилась Ирина. – Ну-ну...

И развернулась на пятках, и ушла, печатая шаг. Надо же, она отвлекает этого типа от работы! Работа у него – не бей лежачего, а туда же. И, гад такой, небось, за небольшую денежку разрешил Гошке взять ее машину. А может, и просто задаром, за банку пива. Постороннего человека, может, и остановил бы, а Гошку-то ведь он знает.

В общем, Ирина сама виновата, нужно было предупредить охрану паркинга. Но разве она могла предположить, что этот паршивец Гошка посмеет...

Она снова набрала его номер. И, разумеется, ответа снова не получила.

Когда Ирина, голодная, невыспавшаяся и злая, как ведьма, явилась на работу, она застала в офисе только секретаршу Варвару. Да еще начальник выглядывал из кабинета, как рыба из аквариума. Остальные сотрудники ушли на обед.

– Явилась, – констатировала Варвара без всякого выражения, – а тебя тут уже обыскались. Нашему срочно те бумаги понадобились, что ты из Нижнего должна была привезти.

– А чего же ты не позвонила? – встрепенулась Ирина.

– Да зачем? – Варвара пожалала полными плечами. – Думаю, пускай человек с дороги отдохнет, выпится как следует.

– Твоими бы устами да мед пить, – вздохнула Ирина.

Тут начальник высунулся из своего аквариума по пояс, как дельфин в прыжке, и позвал Ирину к себе.

До конца рабочего дня она разбиралась с документами, затем вызвали в бухгалтерию оформлять отчет о командировке. Спасибо доброй душе Варваре, она хоть напоила Ирину чаем с крекерами.

Все это время Ирина звонила Гошке, чтобы выяснить, наконец, что произошло с машиной и отчего ею интересуется полиция, но паршивец не брал трубку.

Вечером, когда все уже собирались уходить, Ирина перехватила Варвару и попросила у нее телефон.

– Хахаль от тебя прячется, – Варвара сказала это без всякого злорадства, просто констатировала факт, – не унижайся.

– Да мне нужно! – отмахнулась Ирина.

Варвара снова пожала плечами и дала телефон.

На этот раз Гошка взял трубку сразу.

– Зайка, это ты? – обрадованно заорал он. – Где ж ты ходишь, тут все собралось. Полный улет!

– Это не зайка, – отчеканила Ирина, – и не белочка и не котик. Гошка, какого черта ты не берешь трубку? Скажи, кому ты дал мою машину, это очень серьезно, на меня полиция наехала!

– Полиция? – По голосу Ирина поняла, что Гошка здорово трусит.

Однако он тут же опомнился.

– Не знаю, о чем вы говорите! – заявил он нагло. – Вообще не врубаюсь. Вы, девушка, наверное, номером ошиблись!

– Сволочь! – выругалась Ирина и едва не бросила телефон на пол.

– Говорила, не унижайся, – заметила Варвара.

Ирина вышла из офиса и задумалась. Гошку нужно срочно приструнить и вытрясти из него необходимую информацию. Потому что раз он так испугался, когда она упомянула полицию, значит, у него рыльце в пушку.

И она, Ирина, знает, как его найти. Пока они разговаривали, она слышала музыку на заднем плане. Это композиция старой английской группы Ugiаh Heer, которая называется «Июльское утро», Гошка говорит, что просто балдеет от проигрыша в конце. У него и на телефоне та же мелодия. И Гошка обожает торчать в клубе «Вудсток», там все время звучит старый рок. Стало быть, там Ирина его и найдет.

И хорошо, что машину не взяла, можно в клубе пару коктейлей выпить, чтобы расслабиться. Хотя что-то подсказывало Ирине, что расслабляться ей теперь долго не придется.

Ирина подошла к дверям клуба.

Перед дверью стоял со скучающим видом охранник, бритоголовый тип с квадратным подбородком и маленькими пустыми глазами. Около него вертелись две удивительно похожие девицы в коротких платьицах кислотного цвета, только у одной кислота была розовая, а у второй – бирюзовая.

– Олежек! – лепетала розовая девица, строя охраннику глазки. – Ну, ты же нас хорошо знаешь... ну, пропусти!

– То-то и оно, что я вас хорошо знаю! – лениво отругивался охранник. – Мне Павлик строго-настрога сказал, чтобы вас не пускать! После того раза...

– Ну, Олежек! – вторила ей девица в бирюзовом платье, оттопырив губу, как капризный ребенок. – Павлик ничего не узнает, да его сегодня вообще нет! А я тебя после смены ждать буду... понимаешь намек? Ну, Павлик, по глазам вижу, что согласен! Пропусти!

– Ладно, что с вами сделаешь! – Охранник посторонился, и девицы проскользнули в клуб. Ирина тут же заняла освободившееся место и выразительно взглянула на охранника.

– А тебе что нужно? – процедил тот, окинув ее с ног до головы оценивающим взглядом.

– Мне в клуб нужно, – честно ответила Ирина. – Меня там друг ждет.

– Ничего не знаю! – отрезал охранник, выпятив подбородок. – Ты читать умеешь? – и он ткнул толстым пальцем в табличку, висящую возле двери.

На табличке было написано:

«Клуб является частным заведением, и любому посетителю может быть отказано без объяснения причин».

– Ну, конечно, умею! – проворковала Ирина, кокетливо потупившись и опустив ресницы. – Но я не только читать, я и слушать умею. Тебе Павлик не велел этих лахудр в клуб пускать, а ты пустил... думаешь, Павлику это понравится?

– Ты бы сразу так и сказала, что Павлика знаешь! – пробасил охранник. – Ладно, проходи!

Ирина проскользнула в двери – и на нее сразу обрушился шквал оглушительной музыки и человеческих голосов, безуспешно пытающихся эту музыку перекричать. Под потолком вращались цветные прожекторы, заливающие зал мерцающими волнами красного, синего, фиолетового цвета, превращающими лица посетителей в безжизненные и фантастические маски сказочных существ.

Ирина двинулась сквозь толпу, оглядывая посетителей клуба в поисках Гошки. Вокруг нее были неживые, отрешенные лица, окрашенные светом цветных прожекторов.

Возле зеркальной стены Ирина увидела женщину прилично за сорок, которая самозабвенно танцевала с собственным отражением. Наверняка в обычной жизни она была бухгалтером или менеджером, а сюда приходила, чтобы забыть о тоскливых буднях и стать хоть ненадолго другим человеком – свободным, раскованным. Ну, тетя, бог тебе в помощь...

Музыка на мгновение затихла, и тут же зазвучала другая композиция – та самая старая песня группы U2 Rattle and Hum, которую так любит Гошка, просто тащится от нее.

И тут Ирина его увидела.

Он не танцевал – он сидел на высоком табурете возле бара, и рядом с ним возвышалась худая долговязая брюнетка с одной прядью, выкрашенной в бордовый цвет.

Та самая девица, которую описывала соседка!

Надо же, а Гошка клялся, что порвал с ней! На колени падал, кулаком себя в грудь стучал, говорил, что все и было-то один раз, о прощении молил! Разумеется, Ирина ему не поверила, но какой артист! Ведь даже слезу пустил...

Брюнетка что-то интимно шептала на ухо Гоше – хотя в таком шуме в этом не было никакой необходимости, можно было говорить в полный голос, – и то и дело поглаживала его по колену. И Гошка ничуть не возражал.

Брюнетка буквально прильнула к этому лживому и коварному типу, шептала ему в самое ухо, Ирине показалось даже, что она его легонько укусила.

На какое-то время Ирина забыла, зачем сюда пришла. От злости у нее в глазах все заволжало красным туманом... но она тут же поняла, что всего лишь попала в полосу красного света, и напонила себе, что Гошка – это пройденный этап, что ей нет до него никакого дела, и пришла она сюда не для того, чтобы выяснять с ним отношения, а только для того, чтобы разрешить вопрос насчет машины. Потому что машина – это важно, а остальное – ерунда на постном масле, черт с ним, с Гошкой, все равно они расстались.

Она немного успокоилась, и в это время красный свет прожектора сменился зеленым. Музыканты в записи перешли к финальному гитарному соло. И в этот самый момент Гоша что-то резкое сказал своей брюнетке, соскочил с табурета и зашагал через толпу.

Брюнетка, видимо, не ожидала такого поворота событий. Она еще некоторое время продолжала сидеть на высоком табурете, как ворона на колу, и оторопело смотрела вслед своему хахалю.

А Гошка стремительно пересек зал и скрылся за дверью. Точнее, за занавесом из блестящих нитей, закрывавшим арочный проход в дальнем углу зала.

Ирина направилась в ту же сторону – в конце концов, им нужно поговорить! И очень хорошо, что он сейчас без этой своей чернявой швабры, она не помешает.

Брюнетка, наконец, опомнилась, сползла с табурета и тоже бросилась вслед за Гошей. Она была гораздо ближе к арке, перекрытой блестящим занавесом, и через несколько секунд скрылась за ней.

Ирина расстроилась – теперь Гошку к стенке не припрешь, эта черная ворона ее и близко к нему не подпустит! Еще в драку ползет, судя по внешнему виду – девка задиристая. Еще драки Ирине в ее положении не хватало.

От этой мысли она даже остановилась, пораженная. Какое такое у нее положение? Она ведь ни в чем не виновата, ничего не сделала, закон не нарушала. Но здравый смысл подсказал ей, что Гошка втянул ее в неприятности. Прав охранник Василий: не стал бы следователь так суетиться, если бы дело было несерьезное. И не отстанет от нее этот Дятел, будет долбить и долбить. Нет, нужно взять Гошку за шкирку и вытрясти из него правду!

Ирина сделала решительный шаг в сторону арки, но вдруг случилось нечто совершенно неожиданное.

Блестящие нити раздвинулись, и из них, как Венера из морской пены, возникла та же самая брюнетка. Глаза ее были вытаращены, волосы растрепаны, рот разинут, и выглядела она просто огородным чучелом. Ирина не смогла скрыть злорадства, увидев такое зрелище.

До нее не сразу дошло, что брюнетка что-то кричит.

Но тут как раз гитара замолкла, в зале наступила звенящая, оглушительная тишина, и в этой тишине отчетливо прозвучал истошный крик злополучной брюнетки:

– Убили! Убили! Его убили! Гошу убили!

На мгновение снова наступила тишина – а потом она взорвалась удивленными и испуганными криками.

Ирина на мгновение застыла, пытаясь осознать, что же произошло. Когда она пришла в себя, обстановка в зале переменилась. Музыка больше не играла. Через зал к арке, в которой стояла злополучная брюнетка, проталкивалось несколько охранников. Остальные посетители бросились к выходу, Ирина тоже метнулась было туда – однако там уже стояли охранники, никого не выпуская. А с улицы доносились сирены полицейских автомобилей.

Ирина снова застыла в растерянности.

Что делать?

Неужели Гошку действительно убили? Да не стала бы эта девка зря народ пугать, не похожа она на ненормальную. Значит, точно видела Гошку мертвым. Значит, все-таки вляпался он в какой-то криминал. И втянул, паразит, в него Ирину, потому что машина-то ее. Точно его из-за машины пришили, больше не за что.

Ирина прислушалась к себе и поняла, что не испытывает никакой скорби. Ну, почти никакой. Гоша – это уже пройденный этап. Конечно, они были вместе какое-то время, и он умел ее изредка развеселить – но в остальном был не подарок, и у них не было будущего. И уж точно между ними не было настоящей любви.

Все равно, конечно, жалко человека, но сожалеть о нем она будет потом, в более подходящее время и в более подходящей обстановке. Сейчас же важнее как-нибудь незаметно ускользнуть отсюда. Если ее задержат в клубе, если установят ее личность – это тут же станет известно следователю Дятлу. И он непременно переведет ее из разряда «свидетель» в разряд «подозреваемая». И никакая командировка не поможет, хоть десять билетов на самолет ему предъяви...

Только этого ей не хватало!

Ирина отошла к стене, чтобы не маячить на виду, и снова огляделась по сторонам.

Выход был перекрыт, и рядом с охранниками клуба уже появились мрачные мужчины в черных куртках, в которых нетрудно было узнать сотрудников полиции.

Как быть?

И тут рядом с ней раздался негромкий голос:

– Пойдем!

Она обернулась.

У нее за спиной стоял плечистый, немного сутулый парень лет тридцати. В его коротко стриженных темно-русых волосах выделялась седая прядь.

– Это вы мне? – удивленно осведомилась Ирина, пристально оглядев незнакомца.

– Тебе, тебе, кому же еще! Пошли! Ты еще долго будешь стоять тут, как Эйфелева башня?

– Я что – такая же высокая?

– Нет, ты такая же заторможенная! Говорю тебе – пошли! Время дорого!

– И куда это мы пойдем?

– Слушай, мне уже надоело тебя уговаривать! Ты идешь или нет? Решай быстро!

– Но куда? – все еще упрямылась Ирина.

– Куда – это следующий вопрос. Для начала нужно уйти отсюда, и проблемы нужно решать по мере их поступления. Мне, например, совсем не хочется общаться с полицейскими, а тебе?

Ирина не стала отвечать. Впрочем, ответ был и так очевиден. Он был написан у нее на лице.

– Так ты идешь? – Парень развернулся, не дожидаясь ответа, и пошел через зал, раздвигая плечом растерянную толпу.

В это время пространство перед баром расчистилось, там появился высокий лысоватый мужчина в темном костюме и проговорил голосом, уверенно перекрывшим шум зала:

– Господа, прошу соблюдать спокойствие! Очень скоро вы все сможете покинуть клуб, только перед этим мы должны проверить ваши документы. Вы должны уяснить себе серьезность происходящего и проявить гражданскую сознательность!

Эти слова произвели эффект масла, выплеснутого в разгорающийся огонь. Они только усилили панику. Ирина поняла, что раздумывать больше нельзя, и бросилась вслед за тем незнакомым парнем, который звал ее за собой.

Его седая прядь мелькала уже возле двери, на которой висела табличка «Только для персонала». Ирина ввинтилась в толпу – и догнала его в тот самый момент, когда он открывал эту дверь.

Парень покосился на нее, но ничего не сказал, только чуть прибавил шаг.

Они оказались в полутемном коридоре.

Откуда-то спереди тянуло пряностями и жареным мясом. Еще несколько шагов – и они оказались на кухне. Здесь было шумно, жарко и тесно, суетились люди в белых поварских колпаках и куртках. Один из них повернулся к Ирине и ее спутнику и проговорил с сильным восточным акцентом:

– Здэсь нэльзя!

Парень отмахнулся от него, прошел через кухню и вышел в другой коридор. Впереди раздались громкие голоса и приближающиеся шаги. Парень поднес палец к губам, схватил Ирину за руку и втянул ее в какую-то дверь.

Оглядевшись, Ирина поняла, что они находятся в туалете, причем туалет был мужской.

– Мне сюда нельзя! – попробовала она протестовать, но ее спутник снова поднес палец к губам, потом повертел этим же пальцем у виска, а потом показал на стену.

Стена была облицована розовым кафелем. На высоте человеческого роста была вмонтирована пластмассовая решетка, закрывающая вентиляционную трубу.

– Пилочка для ногтей есть? – вполголоса спросил парень Ирину.

– Пилочка? Зачем? – переспросила она.

– Не спрашивай! – прошипел он. – Некогда! Просто дай!

Ирина открыла сумочку, нашарила в ней пилочку и протянула ему. Парень ловко вывернул пилочкой шурупы, снял решетку и повернулся к Ирине:

– Полезай!

– Куда? – спросила она испуганно. – В вентиляцию?

– Ну да!

– Но там темно... и грязно...

Он не удостоил ее ответом, и тогда она выдала самый главный аргумент:

– Я туда не влезу!

– Влезешь. Я прикинул. Нормально пройдешь. Вот мне точно не пройти, – он пожал широкими плечами.

От такой расчетливости Ирина растерялась. С другой стороны, кое-что стало ясно. Вот, значит, зачем она понадобилась этому парню! А он уже подхватил ее за талию и приподнял, чтобы она могла пролезть в темный проем.

– Ползи вперед, там недалеко. С другой стороны тоже решетка, выбьешь ее ногами, вылезешь в бойлерную, слева увидишь дверь, закрытую на задвижку, откроешь ее...

Ирина ничего не успела ответить – он уже втокнул ее в вентиляционную трубу. Она поползла вперед – ничего другого не оставалось. В трубе действительно было темно и пыльно, у нее сразу зачесалось в носу, захотелось чихнуть. А потом по руке проползло что-то противное, многоногое... Паук!

Ирина вскрикнула, но тут же взяла себя в руки. Ну, паук, противно, конечно, но не смертельно. Вот если бы тут была подруга Наташка, которая боится пауков до одури, до обмороков, тогда, конечно, поднялся бы крик. А она потерпит.

Но пауков становилось все больше, она едва не запуталась в липкой, противной паутине, чувствуя себя беспомощной мухой, и тут увидела впереди свет.

От света ее отделяла вторая пластмассовая решетка.

Как велел ее спутник, она пнула эту решетку ногами.

С первого раза ничего не получилось, но с третьего решетка вылетела, и Ирина выбралась на волю.

Она оказалась в большом полутемном помещении, где стояли какие-то котлы. В памяти всплыло слово «бойлерная».

Слева от нее действительно была железная дверь, запертая на толстую стальную щеколду. Ирина с трудом отодвинула эту щеколду, дверь тут же распахнулась, и в бойлерную ввалился ее странный спутник.

– Молодец! – одобрительно проговорил он, запирая за собой дверь. – Все сделала правильно!

И тут до Ирины окончательно дошло.

– Так ты меня позвал только для того, чтобы я пролезла в вентиляцию и открыла эту дверь?

– Ну да, – ответил он как ни в чем не бывало, – а ты, интересно, что подумала?

– Да ничего я не подумала, некогда думать, уходить надо, – проворчала Ирина.

– Вот это ты верно заметила, за то тебя и выбрал, что не орешь, не визжишь, не паникуешь попусту, опять же не толстая, везде пролезешь, – с этими словами парень устремился в дальний конец бойлерной, где отыскалась небольшая обитая железом дверца, запертая на проржавленный висячий замок.

– Ого-го, – весело сказал парень, – отгадай загадку: не лает, не кусает, а в дверь не пускает, что такое?

И ловко сбил замок одним ударом ноги.

– Прощу! – сказал он.

Из двери пахло сыростью. Ирина замешкалась, тогда он прошел первым. Потянуло легким сквозняком, и дверь за ними захлопнулась. Они очутились в полной темноте.

Иринин спутник включил телефон, который давал слабый свет, но все же видно было, что на стенах старая кирпичная кладка.

– Не отставай, а то потеряешься! – бросил парень и ходко устремился вперед.

Глядя на бледное пятно света впереди, Ирина вдруг ощутила панический ужас. А что, если этот подозрительный тип убежит и бросит ее тут? Одна, в темноте...

Тигриным прыжком она бросилась за ним. Захотелось взять его за руку или лучше пристегнуть собачьим поводком. Но у нее нет поводка, так что придется обходиться своими силами.

– Куда мы идем? – спросила она.

– Нужно выйти отсюда на поверхность, – ответил он, – так, где-то тут рядом есть поворот к продуктовому складу. Только осторожней, здесь крысы ходят...

Крик, который издала Ирина, ощутив, как по ноге пробежало что-то пищащее и лохмотое, дал понять, что продуктовый склад близко. И точно, они оказались перед старой деревянной дверью. Может, она и была закрыта с той стороны на засов, только он давно отвалился, так что на склад они вошли беспрепятственно – как видно, хозяева не ждали с этой стороны неприятностей.

Большое помещение было уставлено ящиками и коробками, наверху горела тусклая лампочка в сетчатом металлическом наморднике, как у доктора Лектора.

– Теперь не отставай, а то сторож услышит, у него собаченция ужас какая злобная, – сказал парень и устремился в проход между стеллажами.

Шел он уверенно, из чего Ирина сделала вывод, что бывал тут не раз.

«Кто же он такой?» – мелькнула мысль, но Ирина сочла ее несвоевременной и выбросила из головы.

Они пропустили три поворота, свернули в четвертый, затем протиснулись в совсем уже узкий проход и оказались перед заколоченным оконным проемом.

– И что? – спросила Ирина. – Как дальше-то?

– Не бойсь, все учтено могучим ураганом, – отмахнулся парень и ловко вытащил две доски.

– Это бомжи придумали, чтобы продукты со склада тырить, – объяснил он, – ну, они не зарываются, берут понемножку, так что никто и не хватится. Полезай!

Окно выходило во двор, безлюдный по позднему времени.

Ирина огляделась, пока ее спутник пристраивал доски на место, и увидела только полозатого помойного кота, что сидел на лавочке и наслаждался ночной прохладой.

– Лучше бы крыс ловил! – сказала она коту, на что он даже не повел ухом.

Парень провел ее через два проходных двора и вывел в безлюдный переулок. Вдали виднелись огни проспекта, Ирина, наконец, узнала, где они находятся.

– Ну, теперь сама, – сказал парень, – пока-пока.

И исчез. Вот только что стоял рядом и исчез, как не было. Ирина моргнула и направилась к проспекту.

И, оказавшись на освещенной улице, пришла в ужас. Она собрала на одежде всю грязь из вентиляции и из подвала. Да в таком виде ее и в маршрутку не пустят!

Кое-как почистившись, она подняла руку. Остановилась только третья по счету машина – самая раздолбанная и неказистая. И то водитель, оглядев Ирину с ног до головы, укоризненно покачал головой и сделал попытку уехать. Не тут-то было, Ирина живо юркнула в машину и захлопнула дверь.

Всю дорогу таратайка грозила развалиться прямо на ходу, но Ирине уже было все равно. Она еле-еле поднялась в квартиру, потому что какая-то сволочь снова сломала лифт.

Закрыв за собой дверь, Ирина ощутила, что упадет тут прямо у порога на коврик и будет лежать до утра. Сил не было ни на что, ноги и руки стали ватными, в ушах стоял ровный громкий шелест, как будто стрекотали тысячи кузнечиков.

Помогло зеркало, которое наперекор всяким принципам фэншуй Ирина повесила напротив двери. И в этом зеркале отразилось такое, что Ирина со стоном поднялась и потащилась в ванную.

После душа стало легче, Ирина даже вспомнила, что ничего не ела, считай, целый день. Варварино печенье не в счет.

Холодильник, разумеется, ничем не порадовал, сама же перед командировкой его основательно почистила. И даже морозилка пуста, как зимняя тундра.

Вот когда жил здесь Гошка, она забивала морозилкупельменями, блинчиками и готовыми котлетами. А потом, когда он съехал, с радостью отказалась от всего вредного и калорийного и решила перейти на здоровый образ жизни. Да, очень полезно для здоровья – целыми днями вообще ничего не есть.

И тут до нее дошло, наконец, что Гошка мертв. Вот только несколько часов назад она с ним говорила – и нате вам, его убили.

Ужас какой! Гошка, врун и лоботряс, который дико раздражал ее своим пофигизмом, больше никогда ничего никому не соврет. И не позвонит. И не возьмет без спроса ее машину...

Трясущимися руками Ирина налила себе чаю, едва не обварившись кипятком.

После чая она обрела способность соображать. Значит, Гошку убили. Не просто несчастный случай, а именно убийство, уж больно та его девка, похожая на ворону, орала громко. Стало быть, зарезали ножом. Или застрелили.

Там такой шум стоял, хоть из пушки пали, никто не услышал бы. И с чего вдруг в довольно приличном, известном клубе такие вещи творятся? Раньше такого у них не было, отморозки всякие в этот «Вудсток» не ходят. Так что не тот случай, как если бы Гошка случайно попал под раздачу в чужой криминальной разборке.

И вообще, ни в каких криминальных делах Гошка не замешан, она, Ирина, прожила с ним почти год, она бы знала, Гошка непременно бы проболтался.

Значит... значит, все началось недавно, когда они расстались. И как ни крути, а получается, что все связано с машиной. У Гошки кто-то попросил достать машину, и этот дуралей не придумал ничего лучше, как взять Ирину.

Ирина рывком села на кровати. Значит, Гошка делал такое и раньше, когда они еще жили вместе. А она-то ему доверяла...

В его оправдание можно только сказать, что он понятия не имел, для чего в этот раз машина нужна. Хотя какое это оправдание, глупость просто, тот же пофигизм.

И очевидно, что машина замешана в каком-то серьезном преступлении, раз уж этот следователь Дятел так сурово настроен.

События развивались так: Ирина сразу после разговора со следователем позвонила Гошке, он наврал ей, что машину не брал, но испугался. И тут же стал звонить тому человеку, который пользовался ее машиной. В то, что сам Гошка был за рулем, Ирина не могла поверить, Гошка раздолбай и пофигист, ему никакого серьезного дела никто не поручит.

Тут она вспомнила, что Гошки нет в живых, но отчего-то еще больше разозлилась. Ему-то уже все равно, а ей теперь разбираться. Следователь ведь не отстанет.

Значит, тот тип договорился с Гошкой о встрече – либо сказал, что все объяснит, либо посулил денег, а Гошка и поверил. Тот его и убил, чтобы на него не вышли.

«Жалко все-таки Гошку».

С этой мыслью Ирина заснула.

И проснулась рано в твердой уверенности, что нужно что-то делать. Необходимо узнать, что же случилось двадцатого мая на углу Загородного проспекта и улицы Скабичевского (ведь

следователь спрашивал ее именно об этом месте и об этом времени), а для этого съездить туда и попытаться выяснить все на месте. Потому чтоследователь Дятел вряд ли ей про это расскажет (век бы его не видать).

Все сегодня ей удавалось, Ирина быстро собралась на работу и решила взять машину. А то как-то подозрительно получается: машина на парковке, а она в маршрутке трясется.

Возле парковки было небольшое кафе, которое открывалось в половине восьмого, и к восьми там подавали уже калорийные завтраки.

Съев огромный омлет с грибами и помидорами и выпив большую чашку кофе с молоком, Ирина почувствовала прилив сил и уверенность в себе. Ничего, она выкрутится.

«Мазда» приветливо мигнула огнями при ее приближении, как будто обрадовалась.

– Моя девочка, – тихонько умилилась Ирина, – как же я по тебе соскучилась.

В салоне было чисто, и больше не было никаких незнакомых запахов.

Начальник был так доволен результатами командировки, что Ирина решилась отпроситься с обеда. Ничего, прокатило.

Ирина, наконец, пробилась через пробки, проехала Владимирскую площадь, слева мелькнули сверкающие свежей позолотой купола собора, и машина покатила по Загородному проспекту.

Немного не доезжая до нужного перекрестка, Ирина нашла свободное место, припарковала машину и вышла.

По проспекту в обе стороны текла река прохожих. В одном месте эта река закручивалась водоворотом и раздваивалась, обтекая какого-то человека, как поток обтекает застрявшую в реке корягу.

Ирина двинулась наперерез потоку, приблизилась к месту завихрения. Там стоял парень с длинными светлыми волосами и глупой жизнерадостной улыбкой. Заметив интерес в глазах Ирины, он еще больше оживился и протянул ей яркий листок:

– Только на этой неделе вы можете получить в салоне красоты «Офигения» грандиозную скидку на процедуру ядерного пилинга, электронного лифтинга и лазерной криотерапии! Не упустите свой шанс, девушка!

– Спасибо, – Ирина взяла у парня листовку и проговорила вполголоса: – А вы здесь все время стоите?

– Да, все время... здесь место хорошее, людей всегда много, купоны хорошо разбирают...

– И вы, наверное, все замечаете?

– Ну, вообще-то да...

– И двадцатого числа вы тоже здесь были?

– Двадцатого? – Жизнерадостности во взгляде парня заметно поубавилось, он что-то начал мысленно подсчитывать. – А это какой был день недели?

– Вторник.

– А в чем дело? Почему вас именно этот день интересует?

– Да, собственно, ни в чем... – Ирина замела хвостом. – Я просто вижу, что вы такой наблюдательный, сообразительный, внимательный человек, так вот хотела спросить...

Обычно такая грубая лесть действовала на мужчин, но на этот раз она не сработала. Парень настороженно взглянул на Ирину и проговорил, понизив голос:

– Девушка, я вам купон на скидку дал? Дал. Если хотите, могу еще дать. Мне не жалко, чем больше раздам, тем лучше. А насчет остального... вот зачем вам вопросы эти задавать?

– А я в газете работаю! – на ходу сочинила Ирина. – Наши читатели хотят знать...

– Ах, в газете! Так вот вы лучше ее спросите! – Парень показал на кого-то за спиной Ирины.

Ирина обернулась, но не увидела никого заслуживающего внимания. Только обычные прохожие, стремящиеся куда-то по своим обычным делам. Она снова повернулась к парню, но того и след простыл.

– Вот черт! – не сдержалась Ирина и снова завертела головой.

Парень исчез бесследно.

Неожиданно рядом с Ириной прозвучал низкий, хрипловатый, словно простуженный голос:

– Ты кого ищешь, девонька? Ты никого не ищи, незачем тебе кого-то искать, ты лучше с Лялей поговори! Ляля – она все видит! От Ляли ничего не укроется!

Вместе с голосом до Ирины докатился тяжелый запах давно немытого тела. Она резко обернулась и увидела совсем рядом существо неопределенного возраста и предположительно женского пола, облаченное в лиловый спортивный костюм немыслимого размера, покрытый пятнами всевозможных оттенков, как политическая карта Африки, и кокетливую соломенную шляпку с грязно-голубой шелковой лентой. В руке у этого колоритного создания была большая пластиковая сумка из сетевого супермаркета, наполненная какими-то подозрительными пакетами, свертками и коробками.

Существо это имело круглое, излишне румяное лицо, на котором выделялись крючковатый нос и круглые, выпученные глаза. Все это в сочетании с соломенной шляпкой создавали сходство с Совой из мультфильма о Винни-Пухе.

– Ляля – она все видит! – повторило существо и погрозило кому-то пальцем.

– Кто это – Ляля? – удивленно осведомилась Ирина, стараясь держать безопасную дистанцию.

– Так я же и есть! – ответила незнакомка и слегка присела, изображая что-то вроде кник-сена.

– И что же вы видели?

– А вот ты послушай... – Ляля схватила Ирину за локоть неожиданно твердыми пальцами и забормотала:

– Есть трава сулея, она по кладбищам растет, особенно по заброшенным да запущенным, где кресты покосившиеся да могилы провалившиеся. Ее надо непременно в полнолуние собирать и бросать в корзинку через левое плечо. Она от головной боли и от душевных хворостей помогает. Еще есть трава – зовется ведьмины слезы, эта растет по оврагам, где кто-нибудь сгинул, где чьи-то кости лежат. Ее надо собирать перед самым рассветом, когда выпь закричит. Если ее в подол зашить, никто на тебя гневаться не будет. А еще есть кабурлык-трава, она на болотах растет. Как болотный огонь увидишь – иди за ним, он тебя непременно к той траве приведет. А трава это хорошая, кто ее отвар выпьет, тому всегда веселые сны сняться будут...

– Еще есть разрыв-трава, – бормотал колдун, глядя перед собой пустыми белесыми глазами, в которых отразилось пламя свечи. – Растет она вдоль старых заброшенных дорог, собирать ее надо в тот час, когда утренняя звезда взойдет. Эта трава любой замок, любой запор легко откроет...

– На что мне чужие замки открывать? – перебил колдуна молодой боярин. – На что мне чужая казна, чужие сокровища? У меня своих довольно! Ты мне, старик, такую траву дай, чтобы меня гнев грозного царя миновал, чтобы не попасть мне на дыбу и на плаху! Чтобы быть мне у грозного государя в милости да в почете! Признавайся – есть у тебя такая трава?

Пламя свечи закачалось, едва не погаснув, но потом вспыхнуло ярче прежнего, осветив жалкую лачугу, ее хозяина – старого слепого колдуна и его ночного гостя – молодого боярина в дорогом кафтане и мягких сафьяновых сапожках.

Видно было, что боярин неловко, неуютно чувствует себя в этой нищей лачуге, что привычнее ему богатые боярские хоромы и даже царские палаты. Не пришел бы он посреди ночи в эту лачугу, коли не было бы крайней нужды.

– Есть, боярин, как не быть! – Колдун захихикал, пальцы его зашевелились, как белесые черви. – Та трава называется одолень, ее надо в ночь после Духова дня собирать, непременно чтобы на новую луну, а растет она на погостах...

– Это мне знать без надобности! – резко оборвал его боярин. – Ты ведь уже ту траву собрал, дай мне ее, да дело с концом. А я тебе за нее звонким золотом заплачу. Ты ведь слепой, да не глухой, звон монет услышишь!

– Твоя правда, боярин, твоя правда... – колдун открыл маленькую шкатулку темного дерева, и по его землянке расплылся тяжелый, пряный запах.

– Ох, духовитая эта трава! – огорчился боярин. – Как бы не почувял ее грозный царь! Как бы не обвинил меня в чародействе! Он с чародеями да знахарями суров!

Вспомнил он, как на прошлое Крещение в Александровой слободе, где помещался теперь царский двор, казнили двух дворян и одного мещанина из немцев. Изобличили их в чародействе, схватили по доносу дворянского слуги да подвергли жестоким пыткам на сыском дворе.

Не выдержали все трое, признали свою вину, покаялись в том, что через свое чародейство хотели известить государя.

По вине и казнь – закопали всех троих на выгоне в землю по самую шею да выпустили на тот выгон свиней...

Ох, как кричали несчастные!

Хорошо хоть, недолго – быстро их муки кончились.

Некоторые опричники наблюдали за казнью, а сам молодой боярин отговорился тяжким похмельем – не любил он таких кровавых развлечений...

– Не бойся, боярин! – проговорил колдун, поглядев на молодого боярина своими белесыми незрячими глазами, словно прочел его самые черные мысли. – Ты эту траву заверни в рыбий пузырь, запаха-то и не будет!

Он достал из шкатулки маленький мешочек, обнюхал его со всех сторон и с неохотой протянул боярину.

– Вот она – одолень-трава! Носи ее в ладанке, и не будет тебе беды от грозного государя!

Боярин спрятал мешочек с травой на груди под кафтаном, бросил перед колдуном несколько золотых монет.

– На, как договаривались – пять золотых ефимков... да вот тебе еще три, помни мою доброту!

– Благодарствую, боярин!

Колдун замолчал, словно к чему-то прислушиваясь, потом заговорил тихо, значительно:

– Добр ты был ко мне, боярин! Добр и справедлив! И я не подведу тебя, открою тайну. Трава, что я тебе дал, сильная да чудодейственная, да только государь Иван Васильевич – не простой государь, в гневе он страшен да коварен...

– Ох, мне ли этого не знать! – вздохнул боярин. – Часто, ох, часто вижу я его в лютom гневе!

– Чтобы отвести его гнев, мало одной травы... может и не помочь эта трава...

– Что же ты мне голову морочишь! – Боярин вскочил, схватился за саблю.

– погоди, боярин, не гневайся! Трава, что я тебе дал, хорошая, но, чтобы она в полную силу тебе помогла, нужно еще особое заклинание знать.

– Ну, так говори его скорее! Говори свое заклинание! Не томи меня, старый чародей!

– погоди, боярин, не торопись!

Колдун опустился на колени, подполз к дальнему углу своего жилища, отвалил от стены замшелый камень, пошарил за ним и вытащил небольшую старинную книжицу в потертом кожаном переплете, открыл ее.

Желтоватые страницы этой книги были покрыты аккуратно выведенными, выцветшими от времени письменами.

– Что это за книжица? – спросил боярин отчего-то дрогнувшим голосом.

– Часослов это, – ответил ему колдун вполголоса, словно кто-то мог их подслушать.

– Не похожа она на часослов!

– Твоя правда, боярин. Не похожа. Потому как не простой это часослов. Черный это часослов...

– Как это?

– До меня принадлежал он великому чародею. Большой силы был колдун... часть его силы в этом часослове заключена.

– Где же он сейчас?

– Нет его. Сожгли его за чародейство.

– Видать, не помог ему этот часослов!

– Твоя правда – не помог. Видно, такая уж была его судьба. Но только в этом часослове большая сила скрыта. Не простые молитвы в нем написаны, а сильные заговоры да тайные заклятья. И не простыми чернилами те заклятья написаны – кровью казненных, кровью повешенных.

– Чур меня! – Боярин отшатнулся от страшной книги. – Что ты такое говоришь, старик?

– Правду говорю! Ты меня спрашивал, как царский гнев от себя отвести? Так вот заклятье на такой случай... – Он перевернул страницу и нараспев забормотал:

– На дворе трава, на траве роса, не простая то роса, то кровь заговоренная, заколдованная... кровь трех странников, пяти калик перехожих, семи каторжников заклеянных, девяти колодников замученных... кровью той заклинаю, заговариваю – как коса скосит траву, так ты, роса утренняя, трава заговоренная, отведи от меня лютой гнев государев...

Замолчал колдун. Тихо стало в его лачуге. Снаружи, за тонкой стеной, прокричал козодой.

– Бери этот часослов, – проговорил наконец старик и протянул страшную книжицу боярину. – Много в нем мудрости. Не только от царского гнева он тебя защитит – научит, как получить великую власть и силу...

– Власть и силу... – повторил боярин как заворуженный. – Знаешь ты, старик, как сердце человека отворить. Читаешь в нем, как в открытой книге...

– А не хочешь ли ты, боярин, узнать, что тебя ждет?

Боярин замешкался, не зная, что ответить.

– Что – али боишься? – усмехнулся колдун.

– Я, Годунов? – Даже в полутьме землянки видно было, что лицо боярина вспыхнуло. – Я ничего не боюсь! Ладно, показывай, что у меня впереди!

– То-то... – колдун повернулся к очагу, над которым булькало в закопченном котелке какое-то варево, голыми руками схватил этот котелок и поставил его перед своим гостем.

Боярин хотел было заглянуть в котелок, но колдун остановил его властным жестом:

– погоди, боярин, погоди! Больно ты скорый, боярин, больно горячий! Сперва еще кое-что сделать нужно... протяни-ка мне свою левую руку!

Боярин вытянул вперед левую руку, растопырил пальцы. Колдун неожиданно взмахнул своей костлявой рукой, в которой невесть откуда появился кривой, острый, как бритва, сарацинский нож, полоснул по ладони боярина. Тот вскрикнул – больше от неожиданности, чем

от боли, и отдернул руку. Большая капля крови успела упасть в котелок, растворилась в нем. Варевое в котелке забулькало, закипело, как будто под ним снова развели огонь.

– Ты сдурил, что ли, старик? – прошипел боярин и потянулся к кинжалу, висящему на отделанном серебром поясе.

– Не сердчай, государь мой! Для верного колдовства нужна была малость твоей крови. Теперь можешь глядеть... теперь тебе твое будущее откроется...

Варевое в котелке тем временем утихло, успокоилось, поверхность его стала ровной и блестящей, как вода в замерзающем озере перед тем, как покрыться льдом.

Боярин наклонился над котелком и застыл, пристально вглядываясь в него.

– Что ты видишь, боярин?

– Вижу коришну черного... вижу, как клюет он гусей, да журавлей, да прочих птиц... клюет, так что кровь из них так и брызжет! Что сие значит, старик?

– Видно, еще многих людей съживет со свету грозный царь, прежде чем за ним самим придет костлявая...

Боярин снова взгляделся в котелок.

– А теперь что ты видишь?

– Теперь вижу, как падает тот коришн с небес в черное озеро. Упал, как камень, только вода плеснула. И сразу по озеру рыбы заплывали, заскользили, одна другую проглотить пытаются... как сие видение понимать?

– Так понимать, что скоро умрет грозный государь и ближние его бояре перегрызутся, власть деля.

Боярин снова склонился над котелком.

– А теперь что ты видишь?

– А теперь вижу самого себя. Вижу, что стою я под большим дубом, а с того дуба падают на меня не листья да не желуди, а золотые да серебряные украшения – кольца с дорогими камнями, гривны нашейные, кинжалы сарацинские, искусно изукрашенные... ох... а теперь мне в руки венец дорогой упал!

– Видать, государь мой, что после смерти грозного царя достанутся тебе слава и богатство невиданные, а спустя какое-то время будешь сам ты венчан на царство!

Боярин отшатнулся от котелка, уставился на колдуна, потом схватил его за отворот кафтана и встряхнул:

– Правду ли ты говоришь, старик?

– Я тебе ничего не говорю, это тебе колдовское зелье сказало. А я только толкую то, что ты сам видел.

Боярин отпустил старика и снова склонился над котелком.

– Не довольно ли тебе, государь? – окликнул его колдун. – Может, остановишься?

– Не мешай мне, старик! Я должен знать все... все, до конца! А ты только толкуй мне видения...

– Ну, воля твоя... говори, что ты видишь!

– Вижу, как курица клюет своего цыпленка... как овца пожирает своего ягненка... вижу, как корова гложет теленка... что сие может значить?

– Голод большой будет в твое царствование. Такой голод, какого не видывали прежде на Руси!

– Голод? Велика ли беда! Главное, что я заранее о нем узнаю, велю приготовить большие запасы... казны не пожалею, но людей от голода спасу...

Он снова склонился над волшебным котелком – и отшатнулся в испуге, вскрикнул:

– А это что?

– Что ты увидел, государь?

– Увидел лицо младенца... мальчика малолетнего... в крови, весь он в крови! И свои руки увидел – а на них кровь... что это видение значит, старик?

– Не знаю, государь мой, ничего не ведаю! – колдун отвел глаза. – Ты сам про то больше моего знаешь. Что ты там видел – это только тебе самому ведомо... только тебе самому открыто... а сейчас уходи, прощай, государь мой, оставь меня, мне помолиться нужно, замолить нужно грехи свои тяжкие... столько на моей душе грехов накопилось, что вовек не отмо- лить...

– Ты мне, старик, зубы-то не заговаривай! – Боярин снова схватил колдуна за ворот. – Говори, что сие видение значит! Говори толком, а не то сей же час снесу тебе голову!

– Голову снесешь? – Колдун страшно, хрипло захохотал, ловко вывернулся из рук боярина, выпрямился во весь рост и вдруг стал вдвое выше самого боярина, вдвое выше любого человека.

Голова его уперлась в потолок землянки, он согнулся, нависнув над боярином. Лицо его осунулось, обтянулось сухой желтой кожей, а потом и вовсе превратилось в череп с пустыми страшными глазницами.

– Голову снесешь? – прошамкал череп беззубым ртом, и тут же колдун сам оторвал свой череп и швырнул его под ноги боярину.

Череп подкатился под ноги Годунова, сверкая черными провалами глазниц, открыл рот и прохрипел:

– Голову снесешь? – И дикий, отвратительный хохот заполнил всю землянку.

Боярин в ужасе вскрикнул, вылетел из землянки и побежал прочь, не разбирая дороги, спотыкаясь, крестясь на ходу и бормоча слова молитвы.

И бежал так, пока не выбежал на проезжую дорогу...

– ...а еще есть навзрыд-трава, – бормотала бомжиха, – она растет на помойках позади круглосуточных магазинов, и собирать ее нужно непременно по понедельникам, тогда же, когда стеклотару. Если кто ту траву заварит с чабрецом и мятой да выпьет – ему непременно будет прибавка к пенсии...

«Господи, что я слушаю! – подумала Ирина, с отвращением глядя на Лялю. – Бред какой-то! Ничего я здесь не узнаю, только время впустую потрачу. Нужно скорее уходить, а то еще подхвачу от нее какую-нибудь заразу!»

– А еще есть трава-кровохлебка... – не унималась Ляля. – Если ее к ране вовремя приложить – кровь тут же остановится. Только ей никто ту траву к ране не приложил, вот она и померла, болезная! Померла, несчастная!

– Кто помер? – машинально переспросила Ирина. – Про кого это ты говоришь?

– Дык, она же! Та самая бабка! – ответила Ляля убежденно. – Вот тут она как раз лежала, а вокруг нее – крови целая лужа!

Ляля показала на асфальт под ногами Ирины.

– Прямо даже удивительно, сколько в одном человеке крови может быть! Целая, говорю, лужа натекла! Если бы ей тогда траву-кровохлебку приложили – все бы, может, и обошлось, но где же ее взять, кровохлебку? Тут-то, в городе? Она ведь, трава эта, только по старым дорогам растет, по которым больше никто не ходит и не ездит, и собирать ее нужно непременно после грозы... ох, и люблю я грозу, особенно если в начале мая... когда весенний первый гром...

– На этом месте кого-то убили? – Ирина попыталась вернуть бомжиху к интересующей ее теме.

– Ну да, а о чем я тебе толкую? Вот на этом самом месте... вот прямо где ты сейчас стоишь...

Ирина невольно отступила в сторону.

– А когда это случилось?

– Известно – когда. В прошлый вторник...

– Точно – во вторник? Двадцатого? Ты ничего не путаешь? Подумай хорошенько, Ляля!

– Насчет того, двадцатого или другого какого – это я не скажу, врать не буду, а что во вторник – это точно!

– Почему ты так в этом уверена? – недоверчиво переспросила Ирина. Она сомневалась в достоинствах Ляли как свидетеля.

Ляля наверняка не знала, какое сегодня число и даже какой год, откуда же она так точно знает, какой тогда был день недели?

– Потому уверена, – отвечала бомжиха рассудительно, – что по вторникам нам возле Пяти углов одежду раздают благотворительную, и я как раз оттуда шла. Кофту мне хорошую дали, теплую. Натуральная кофта, чистая шерсть.

– И где ж та кофта? – Ирина с насмешкой показала на засаленный костюм бывшего фиолетового цвета. – Пропила уже? Или, может, потеряла?

– И ничего не пропила, – надупилась Ляля, – у меня привычки такой нету, чтобы хорошую вещь пропивать.

Она приосанилась и поучительным тоном проговорила:

– К одежде надо трепетно относиться, об ней надо заботиться. Чистить ее надо, не кидать на пол комом мятым. Тогда она тебе тем же оплатит, поможет тебе в трудную минуту. Платье так сядет, что все недостатки скроет, пальто обычное так запахнет, будто оно от самого «Диора». А вот если будешь к одежде пренебрежительно относиться, мять да пачкать – то она тебе обязательно отомстит. В самый неподходящий момент подол оторвется, да и провиснет. Или лямка у бюстгальтера лопнет. Что колготки поползут, я уж и не говорю.

– Пуговицы опять же... – машинально поддакнула Ирина, – или молния застрянет...

Она поразились Лялиным рассуждениям. Надо же, никак от нее такого не ожидала... Вроде бы рвань рванью, а туда же, об одежде рассуждает. И ведь все правильно говорит.

Ирина с детства была приучена к порядку, оттого Гошка так и раздражал ее своей неряшливостью и жутким пофигизмом.

Вспомнив про Гошку, она расстроилась. Вот ведь, человека нет, говорят, о мертвых нужно помнить только хорошее, а она о нем только плохое вспоминает.

– Так что кофту ту я припрятала, чтобы на выход надеть, – сообщила Ляля.

«На выход? – удивилась Ирина. – Ну, надо же! Куда этой Ляле еще выходить?»

Но вслух ничего не сказала.

– Вот, значит, иду я оттуда, где вещи раздают, и смотрю – женщина упала, как раз вот на этом месте, и кровь вокруг... кровячки было – ужас! И машина та – прямо как кровь!

– Машина? – ухватилась Ирина за последнюю Лялину реплику. – Какая машина?

– Я же говорю – красная, как кровь! А травы-кровохлебки никто к ране не приложил, вот она и померла. Эти-то когда приехали, на «Скорой», она уже мертвая была... Совсем как есть мертвая, живые так не лежат. По живым-то видно, как им лежать неудобно да холодно, а мертвым – все едино, хоть жар, хоть холод, хоть под ними гвозди, хоть перина пуховая... уж Ляля знает...

– Нет, постой, что ты говорила про красную машину? При чем тут красная машина?

– Как это – при чем? Он же в этой машине сидел, который ее убил. Выстрелил – и сразу уехал, только его и видели... а еще есть трава-ворожея, если ее под подушку положить, непременно вещий сон приснится, и ты все узнаешь, что было и что будет, и даже чего отродясь не было... если бы эти, что потом приехали, положили эту траву себе под подушку – они бы непременно узнали, кто ту женщину убил. Но только где же они ее достанут? Она ведь только под виселицей растет, а где сейчас найдешь виселицу? Они вместо этого стали людей спрашивать – кто что видел. А никто ничего и не видел, одна Ляля видела. Потому как все люди

спешат, торопятся... ничего не замечают. А куда торопятся? Все равно дальше кладбища не убежишь. Им бы у Ляли спросить...

– А они не спросили?

– Не, не спросили! Им с Лялей разговаривать неохота, они Лялю вообще не замечают, как будто ее нет, как будто она не человек. А вот ты со мной поговорила, и я тебе все рассказала, что знала да что видела. И даже про травы всякие. А вот ты еще его спроси, он тоже может тебе много чего порассказать...

Ляля показала пальцем куда-то за спину Ирины.

Ирина обернулась, но позади нее не было никого, заслуживающего внимания – только озабоченные, спешащие по своим делам пешеходы. Да еще черный кот, который сидел возле водосточной трубы, сосредоточенно вылизывая заднюю лапу, как будто находился не на оживленной городской улице, а в тихом провинциальном дворике.

Уж не его ли имела в виду Ляля?

С нее станется...

Ирина повернулась к Ляле, чтобы попросить у нее пояснений, но той уже не было в пределах видимости. Вроде бы только что сидела вот здесь со своим скарбом – и нету ее, ни сумки, ни коробочки, и даже запаха не осталось.

Ирина удивленно огляделась.

Не привиделась ли ей эта колоритная личность? Не померещился ли удивительный разговор? А что – день сегодня жаркий, прямо как летом, душно, парит, перед грозой, что ли...

Да нет, не может быть, никогда с ней такого не случилось. Только что она разговаривала с Лялей и узнала от нее, что на этом самом месте двадцатого мая, в тот самый день, о котором расспрашивал ее следователь Дятел, убили какую-то женщину.

И, по Лялиным словам, убийца стрелял из красной машины. Из машины цвета крови...

А по документам цвет ее собственной «Мазды» так и называется – «бычья кровь»...

Теперь понятно, почему следователь Дятел заинтересовался ее «Маздой»...

Хотя... мало ли в городе красных машин? Почему именно ее машина так заинтересовала следствие?

Ладно, надо уезжать отсюда, ничего она больше не выяснит, только себе навредит.

Ирина шла по проспекту, задумавшись, – и вдруг она почувствовала какой-то смутно знакомый запах.

Резкий, неприятный запах. Запах зверя. Запах крупного, опасного хищника. Точно такой же запах она ощутила, когда после командировки в первый раз оказалась в своей машине...

Ирина вздрогнула и обернулась.

Рядом с ней шел мужчина средних лет с желтовато-смуглым лицом и узкими рысьими глазами. Встретившись с ней взглядом, он прошипел, почти не открывая рта:

– Иди вперед, не поворачиваясь и не оглядываясь! Иди, я сказал, не пялся!

Ирина хотела возмутиться, хотела ответить ему резко и решительно, но во рту у нее неожиданно пересохло, язык прилип к небу, и даже дышать ей стало тяжело. С трудом вдохнув, она смогла выдать из себя только одно слово:

– Почему?

– Вот почему! – узкоглазый незнакомец положил ей руку на талию, словно ласково приобняв, а другой рукой дотронулся до левого бока.

Ирина дернулась было, но почувствовала легкий укол. Она скосила глаза влево и увидела, что в руке незнакомца зажато маленькое шило с тонким, как швейная игла, жалом.

– Дернешься – и тебе конец. Я воткну шило тебе в сердце. Мгновенная смерть...

Ирина почувствовала, как кровь отлила от лица. Ноги у нее стали ватными, и она едва не упала. Не упала она только потому, что ужасный незнакомец поддержал ее.

Она огляделась.

Вокруг по-прежнему текла человеческая река. Десятки, сотни человек спешили куда-то по своим делам, и никому не было до нее дела. Да ее просто никто не замечал. Точнее, замечали на мгновение, потому что она стояла у многих на пути, и ее приходилось обходить.

Ирина увидела себя со стороны. Себя и своего страшного узкоглазого спутника.

Мужчина и женщина стоят рядышком, мужчина заботливо обнимает свою спутницу – а что она бледна, как полотно, так этому может быть множество причин. Ну, голова у нее закружилась от духоты, сегодня и правда душно, наверное, гроза будет. Или вообще беременная... (тьфу, чтоб не сглазить...)

– Иди вперед! – повторил узкоглазый.

– Я... я не могу! – пролепетала Ирина, с трудом справившись со своим голосом.

– Жить захочешь – сможешь! – И он ощутимо кольнул ее в бок кончиком шила.

Он вскинул голову и посмотрел по сторонам – так хищная птица оглядывает окрестности в поисках добычи.

Ирина взяла себя в руки – и действительно сделала один шаг, и еще один, и медленно пошла по проспекту.

– Так-то оно лучше! – прошипел узкоглазый удовлетворенно. – Теперь налево...

Она послушно свернула – и тут же оказалась перед закрытыми железными воротами, которыми была перекрыта ведущая во двор арка. В этих воротах имелась небольшая калитка. Она тоже была заперта на кодовый замок.

– Здесь закрыто! – вполголоса констатировала Ирина, почувствовав странное злорадство.

– Закрыто – откроем! – Узкоглазый скользнул свободной рукой по замку, и он с негромким щелчком открылся.

Узкоглазый втолкнул Ирину в калитку и шагнул следом, по-прежнему прижимая кончик шила к ее боку.

Они оказались в узком дворе, заросшем сорняками. В углу двора был железный бак для отходов, на котором сидел облезлый кот с драным ухом. Узкоглазый подтолкнул Ирину к этому баку. Глаза его вспыхнули недобрым тусклым огнем.

В этих глазах Ирина увидела свою смерть. Эта смерть была настолько близка, настолько неизбежна, что Ирина даже не испугалась – она только огорчилась, что умрет в этом грязном, запущенном дворе, рядом с переполненным помойным баком, и единственным свидетелем ее смерти станет облезлый дворовый кот... И небось, пихнет ее тело этот злодей прямо в бак, а там воняет... Тут Ирина сообразила, что ей уже будет все равно, и покорила судьбе.

Узкоглазый поднял руку с шилом.

Ирина попятилась – но отступить ей было некуда, за спиной у нее был тот самый бак для отходов. Она выдохнула и собралась закрыть глаза, чтобы больше не видеть страшное узкоглазое лицо, вообще ничего не видеть...

И в это мгновение за спиной убийцы промелькнула какая-то стремительная тень, и что-то большое и, наверное, тяжелое опустилось на его голову.

Узкоглазый от неожиданности присел, вскинул руки, защищая голову, при этом выронил свой страшный инструмент. Шило покатило по земле и укатилось под бак.

А Ирина разглядела, наконец, того человека, который отменил или, по крайней мере, отсрочил ее смерть.

Это было существо предположительно женского пола, одетое в некогда лиловый, а сейчас просто грязный спортивный костюм немислимого размера и кокетливую соломенную шляпку с грязно-голубой шелковой лентой.

Короче, это была бомжиха Ляля – и сейчас ни один другой человек не вызвал бы у Ирины такой симпатии. Ирина готова была ее расцеловать – несмотря на запах.

Ляля огрела узкоглазого убийцу по голове той самой пластиковой сумкой из супермаркета, полной непонятных коробок, пакетов и свертков.

Сумка на вид казалась легкой, и Ирина не поняла, почему удар этой сумкой по голове произвел на убийцу такое сильное впечатление. Он все еще не мог прийти в себя, вертел головой, тарашил глаза и тяжело дышал, как выброшенная на берег рыба.

Тем временем Ляля снова подняла свою сумку и снова с размаха опустила ее на голову узкоглазого. Тот покачнулся и упал. Ляля взглянула на него удовлетворенно, затем схватила Ирину за руку и потащила прочь, выпалив:

– Убегать, однако, нужно, долго он не пролежит! Крепкий мужик, быстро оклемается!

Ирина придерживалась того же мнения и побежала вслед за Лялей. Ее, правда, немного удивило, что та бежит не к железным воротам, которые ведут на улицу, а в глубину двора, где, казалось бы, нет никакого выхода – но она доверилась Ляле, решив, что та наверняка хорошо знает все местные закоулки.

Действительно, когда женщины подбежали к самому углу, оказалось, что стены домов в этом месте сходятся не вплотную, между ними оставался узкий зазор, куда Ляля и ввинтилась, недвусмысленным жестом предложив Ирине следовать за собой.

Особого выбора у Ирины не было. Она решила, что если довольно толстая Ляля без опаски протиснулась в этот проход, то она пройдет и вовсе свободно.

Так и вышло.

Протиснувшись между двумя стенами, женщины оказались в следующем дворе, более просторном и ухоженном, чем первый.

Ляля остановилась и огляделась.

Воспользовавшись этой паузой, Ирина задала ей мучивший ее последние минуты вопрос:

– Как это ты так ловко того мужика отключила? Вроде нетяжелая у тебя сумка, а как приложила его – он тут же выпал в осадок! Вообще отключился!

– Не тяжелая, говоришь? – Ляля усмехнулась, поставила свою сумку на землю, порылась в ней и достала кирпич. – А это ты видела? У меня сумочка не простая, с секретом! У нас, у бездомных, жизнь трудная и опасная, всегда нужно при себе иметь какое-никакое оружие! Кстати, зря мы остановились, тот мужик скоро очухается! – И она снова побежала, направляясь в дальний угол двора, где виднелись несколько стертых каменных ступеней, ведущих к двери в подвал.

Ирине ничего не оставалось, как послушно последовать за ней.

Спустившись по этим ступеням, Ляля остановилась и постучала в дверь условным стуком.

Из-за двери донесся кашель, и затем чей-то хриплый, недовольный голос проговорил:

– Кого еще нелегкая принесла? У меня закрыто! Сегодня больше не принимаю! Завтра приходите!

– Профессор, это я! – проговорила Ляля в дверь.

– Это какая же такая «Я»? – недоверчиво спросил тот же хриплый голос.

– Я, Ляля!

– Ах, это вы, мадам? – голос за дверью стал оживленным и радостным. – Так бы сразу и сказали!

Щелкнул замок, дверь открылась.

На пороге стоял невысокий сутулый мужчина лет шестидесяти, в поношенном пиджаке в крупную клетку. Под пиджаком была рубашка, тоже в клетку, только в мелкую. Завершал образ этого персонажа повязанный на шее яркий галстук-бабочка.

Мужчина учтиво поклонился Ляле и в лучших традициях позапрошлого века поцеловал ее грязную руку с обломанными ногтями. Ляля, подыгрывая ему, слегка присела с грацией бегемота среднего возраста.

Ирина изумленно уставилась на странного человека. Только теперь он заметил ее и спросил у Ляли:

– А это кто, мадам, ваша подруга?

– Подруга, подруга! – ответила та, проходя в глубину подвала. – Можно мы у тебя, Профессор, посидим часок? За нами какой-то отморозок гонится. Мы от него оторвались, но он упорный.

– Для вас, мадам, мой дом всегда открыт! – галантно проговорил обитатель подвала. – А ваши друзья – это мои друзья! Так что будьте как дома!

Ирина оглядела подвал, куда привела ее Ляля.

Это было длинное помещение с низким сводчатым потолком, состоящее из нескольких соединенных между собой арками комнат. Большая часть этого подвала была завалена перевязанными шпагатом стопками книг, газет и журналов. Едва ли не больше бумажного хлама было навалено на полу просто россыпью, грудями и горами, грозящими в любую секунду обвалиться, похоронив под собой скудную обстановку подвала – узкую койку, застеленную клетчатый байковым одеялом, два-три хлипких фанерных шкафчика, несколько колченогих стульев и табуреток, а заодно и самого хозяина.

Перехватив удивленный взгляд Ирины, Ляля пояснила:

– Профессор, он макулатуру собирает. Принимает у людей и сдает куда-то...

– Не куда-то, – уточнил хозяин, – а на фабрику, для переработки. Между прочим, очень нужное и важное дело! – Он поднял руку, подчеркивая важность своих слов. – Каждый килограмм макулатуры спасает дерево! Вы это знали?

– Ну, слышала что-то подобное... – промямлила Ирина, голова которой была занята более важными мыслями.

– Таким образом, за свою жизнь я спас целую рощу! Целый лес! Кроме того, в грудях макулатуры, которые проходят через мои руки, иногда попадаются самые настоящие жемчужины!

– В каком смысле жемчужины? – недоверчиво переспросила Ирина.

– В самом прямом! – Мужчина показал на стопку книг в углу, возле маленького окошка, выходящего во двор. – Это то, что я отобрал только за последний месяц! Первое издание сборника речей знаменитого адвоката Плевако, редчайший экземпляр книги Чарльза Дарвина «Путешествие натуралиста на корабле Бигль», прижизненное издание стихотворений великого князя Константина Романова, известного как К.Р... и это только за месяц! А в прошлом году мне попался – вы просто не поверите! – манифест футуристов «Слово как таковое»! Редчайшее, бесценное издание! Подлинный раритет!

Хотя Ирина не очень-то разбиралась в редких книгах, в голосе хозяина подвала звучал такой неподдельный восторг, что она посчитала себя обязанной проявить соответствующие эмоции.

– Да что вы говорите! – воскликнула она с энтузиазмом. – Не может быть!

– Я сам так подумал, когда увидел эту книжку, – не может быть! Такого просто не бывает! Но нет, все точно, это была именно она! Вот почему я занимаюсь этим с виду неблагодарным делом! – с пафосом закончил мужчина свою тираду.

Затем он повернулся к Ляле и проговорил:

– Мадам, не хотите ли чашку чаю? У меня есть очень хороший чай – «Лондонское утро».

– Чаю? – Ляля взглянула на него искоса. – Ты же знаешь, Профессор, я чаю не пью... мне бы этого... сам знаешь...

– Но, мадам, это вам повредит... – протянул Профессор. – Это может испортить ваш голос, и вообще...

– Профессор, ты мне друг или нет?

– Но, мадам, вы знаете, что друг... самый преданный друг... другого такого у вас нет...

– А тогда – налей!

Профессор тяжело вздохнул, проковылял к одному из своих шкафчиков, достал оттуда пыльную бутылку и стакан, протер стакан не слишком чистым посудным полотенцем, наполнил его до половины мутноватой жидкостью и протянул Ляле:

– Ну вот, мадам... раз уж вы настаиваете...

– И себе! – строго заявила Ляля. – Не буду же я одна пить! Я еще до такого не дошла!

– А ваша подруга? – хозяин покосился на Ирину. – Может быть, она составит вам компанию?

– Не, она точно не будет. Себе наливай!

– Но, мадам, вы знаете, мне нельзя...

– Ты мне друг или нет?

– Друг, конечно, друг!

– Тогда пей!

Профессор снова тяжело вздохнул и достал из шкафчика второй стакан. Вдруг он забеспокоился и показал на окно:

– Смотрите-ка, мадам, кто-то пришел! Это не тот ли человек, который за вами гнался?

Ляля повернулась к окну. Профессор в то же мгновение достал из шкафчика бутылку минеральной воды, наполнил из нее стакан и снова спрятал бутылку.

– Никого не вижу! – проговорила Ляля, разочарованно отвернувшись от окна.

– Значит, показалось! – Профессор подал ей стакан, второй, с минералкой, поднял к потолку и провозгласил:

– За ваше славное прошлое, мадам!

С этими словами он опустошил стакан, незаметно подмигнув Ирине.

Ляля тоже осушила свой стакан, глаза ее в ту же минуту остекленели, она, пошатываясь, подошла к койке, повалилась на нее и заснула, издавая богатырский храп.

Профессор заботливо накрыл ее пледом, повернулся к Ирине и проговорил со вздохом:

– Ничего не поделаешь... нельзя ей пить, но я не могу ей отказать! Ни в чем не могу! Хотя и знаю, что это ей очень вредно, но не могу. Она это знает и пользуется моей слабостью. А какая была актриса!

– Актриса? – удивленно переспросила Ирина.

– Конечно! А вы не знали?

– Понятия не имела! Я ведь с ней только сегодня познакомилась! Часа не прошло!

– Вот как? Тогда подождите, я вам сейчас покажу...

Он открыл другой шкафчик и достал оттуда сложенный вчетверо глянцевый лист. Развернул его – и Ирина увидела немного выцветшую афишу.

На этой афише была изображена молодая женщина в ярком концертном платье. Подпись снизу гласила, что это – актриса Елена Лепесткова и что ее сольный концерт состоится двадцать пятого июня в Доме культуры работников пищевой промышленности. Год не был указан, но по фасону платья и по многочисленным второстепенным деталям Ирина предположила, что это восьмидесятые годы.

При всем желании Ирина не могла найти в женщине с афиши даже отдаленного сходства с Лялей. Конечно, прошло много лет, но все же должно хоть что-то остаться!

– Вы уверены, что она? – спросила она с сомнением.

– Еще бы мне не быть уверенным! – воскликнул Профессор. – Я не пропустил ни одного ее спектакля! Ни одного концерта! Какая это была актриса! Настоящая звезда! Какой голос! Какое обаяние! Какие она срывала аплодисменты!

– И что же случилось? – В голосе Ирины против ее воли прозвучало резонное недоверие. – Как же она докатилась до такого? – Она показала глазами на продавленную койку, откуда слышался немелодичный Лялин храп.

– О, это настоящая трагедия! – Иринин собеседник подсел к столу и снова попил водички. – Я расскажу...

– Я вообще-то тороплюсь... – Ирина поерзала на шатком стуле.

– Молодые всегда куда-то торопятся, – грустно сказал Профессор, – а нам уже торопиться некуда. Никто нас не ждет, никто поздно вечером не сидит у окна, высматривая поздних прохожих, никто не подбегает к двери, вслушиваясь в шум поднимающегося лифта. Вот он едет, едет... вдруг остановится на нашем этаже? Но нет, поехал выше... Никто не сидит перед телефоном, застыв от напряжения, а мерзкий аппарат только усмехается и молчит, молчит...

«Да он прямо поэт, – мысленно усмехнулась Ирина, – ишь, как здорово излагает».

Профессор вдруг бросил на нее быстрый внимательный взгляд, и у Ирины едва хватило времени придать своему лицу соответствующее выражение.

– Вижу, что вы хорошая девушка, – сказал Профессор совершенно другим голосом, – потому что Ляля, она... как бы это сказать... она в людях совершенно не разбирается. За ней надо присматривать, у нее с головой проблемы.

– Вижу уж... – Ирина снова кивнула на койку.

– Это не причина, а следствие, – вздохнул Профессор, – это у нее после аварии случилось...

– Аварии?

– Будете слушать или уж идите, если торопитесь, – строго сказал Профессор, – я вас не держу.

Ирина устыдилась, вспомнив, что, как ни крути, а Ляля спасла ей жизнь, так что можно проявить малую толику внимания и выслушать Профессора. Тем более, и правда интересно, неужели Ляля в молодости актрисой была...

– Значит, Елена Лепесткова... – начал он, – красавица, талантливая, мало того что драматическая актриса, так еще бог дал ей прекрасный голос. Она играла в театре, пела там, танцевала, ее заметил один тогда довольно известный режиссер, дал главную роль в своем фильме, фильм победил в Каннах...

– Неужели в Каннах? – недоверчиво переспросила Ирина. – На том самом фестивале?

– Представьте себе! Вот тут-то все и началось. Признание, интервью с зарубежными журналистами, пресса там просто с ума сошла. Да еще бесконечные фотографии – такую красивую и фотогеничную актрису все захотели снимать. В общем, познакомилась она там с одним фотографом. Помню фамилию, он потом большой известности добился, но называть не буду, потому что он давно умер, говорили, что от передоза, но кто его знает, как на самом деле было.

Короче, вернулась Елена сюда, тут, конечно, тоже пресса положительная – как же, фильм-то победитель самого Каннского фестиваля. Но, однако, дошли слухи про фотографа, видели их вместе и не раз. А надо вам сказать, что время было – начало восьмидесятых, тогда еще о перестройке и не слышали.

Вызвали Елену в соответствующие органы, сделали внушение. Ей бы повиниться, промолчать, слезу пустить – актриса ведь, все могла изобразить, а она не захотела. Виноватой себя не чувствовала, ничего плохого не сделала, а что любовь у нее с фотографом получилась, то это, она сказала, ее личное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.